

П Р А В О

УДК 342.924

ПАРАДОКСЫ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПУБЛИЧНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ «РУЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ»

© 2016 г.

Ю.Е. Аврутин

Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел России, Санкт-Петербург

spb-u-mvd.kaf-ap@yandex.ru

Поступила в редакцию 04.04.2016

Анализируется применительно к сфере государственного (публичного) управления понятие «ручное управление»; предлагается его авторская дефиниция; раскрывается влияние «ручного управления» на формы, методы, стиль публичного управления, в том числе при осуществлении публичной администрацией контроля и надзора.

Ключевые слова: государственное управление, публичное управление, «ручное управление», контроль, надзор.

Продолжая размышления о парадоксах российской модели публичного управления [1], напомню, что Президент Российской Федерации В.В. Путин 25 декабря 2014 г. на традиционной итоговой встрече с правительством сказал: «Нужно скоординировать работу всех министерств и ведомств. Нужно скоординировать работу с администрацией президента, с Центральным банком. Нужно все держать на контроле. Если потребуется, хотя кому-то это не нравится, но в данном случае это абсолютно оправданно, нужно включать и режим так называемого ручного управления. В данном случае ничего здесь зазорного нет»¹.

Понимая щекотливость оценочных суждений этого высказывания, всё же рискну повторить уже звучавшую в научных публикациях мысль о том, что применительно к государственному (публичному) управлению словосочетание «ручное управление» – это сочетание несочетаемого, то есть *оксюморон* [2], поскольку управление на всех иерархических уровнях публичной власти функционирует посредством сложного, разветвленного, системного по своей сущности организационного механизма.

«Включение» режима «ручного управления» означает, как полагают отдельные специалисты, что в государственном управлении отсутствует система управления как таковая [3] и «ручное управление» подменяет само государственное управление [4]. Мне представляется, что «ручное управление» не подменяет государственное управление и не означает отсутствия его систе-

мы. Оно с ним *сосуществует*, поскольку без системы государственного (публичного) управления, «ручной» режим его функционирования невозможен.

Если в исторической ретроспективе проследить все варианты или модификации использования в России (досоветской, советской и постсоветской) этого режима, то можно обратить внимание на специфические функции, которые он выполняет в обеспечении жизнедеятельности государства.

Во-первых, это определенное *дублирование* отдельных сфер, направлений и объектов, как правило локальных, публичного управления. В этом качестве «ручное управление» можно рассматривать как тот самый дублирующий контур исполнительной власти, о котором писал Б.В. Россинский [5]. То есть оно включается там и тогда, где и когда элементы публичного управления начинают давать сбои.

Во-вторых, это формирование и поддержание специфического *содержания управления* как системы номенклатурного властвования единоличного правителя и/или его облеченных властью приближенных (соратников). Принимая на себя управление, такой «управленец», как правило, «расчищает» путь для идущих от него команд (решений), обеспечивая для них первоочередное финансовое, законодательное, материально-техническое, правоохранительное обеспечение.

В-третьих, это формирование определенной *структурно-функциональной модели* государ-

ственной власти, в первую очередь власти исполнительной, стиля, форм и методов повседневной деятельности публичной администрации на всех иерархических уровнях публичного управления. «Сеансы ручного управления» требуют определенной конфигурации органов исполнительной власти, предполагая усиление структур, наделенных контрольно-надзорными и карательными полномочиями, а также специфического кадрового наполнения персоналом, не склонным к самостоятельности и инициативности.

«Ручное управление», таким образом, не ограничивается какими-то разовыми акциями по типу мухобойки, ярко описанной журналистом В. Костиковым² [6]. Это комплекс периодически повторяющихся политически ангажированных, опирающихся на материальные, организационные, правоприменительные и правоохранительные ресурсы действий номенклатурного руководителя федерального, регионального, местного, объектового уровня, ориентированные на командно-мобилизационные методы управления в интересах решения той или иной ситуации, которая не решается или решается неудовлетворительно в процессе повседневного публичного управления.

Трудно выделить какую-то одну наиболее негативную сторону «ручного управления», поскольку оно системно разрушает саму сущность публичного управления, его принципы и основополагающие постулаты. Однако особо обращают на себя внимание два его следствия.

Во-первых, уже одного «сеанса РУ», считают социальные психологи, достаточно для демотивации подчиненных [2], что не позволяет или значительно затрудняет возврат к нормальному государственному управлению. Эта «демотивация» и лежит в основе как неостребованности знаний, в том числе управленческих, так и в стиле работы публичной администрации, о которых писал Г.В. Атаманчук, анализируя внутренние источники и факторы государственно-управленческих кризисов в России [7]. Неумение (и нежелание) организовать управление, его подмена бумаготворчеством и многочисленными совещаниями, клановый характер формирования управленческих кадров, утрата ими социальных ориентиров государственно-правового строительства фактически свели на нет многие позитивные идеи периода перестройки и начального периода постсоветского строительства с его программой перевода советской социально-экономической системы в демократическую рыночную систему западного образца.

Эти качества публичного управления продолжают воспроизводиться и сегодня, если

вспомнить, что только после применения «мухобойки» оперативно устранялись последствия разрушительного наводнения в Крымске, вырастали объекты зимней олимпиады в Сочи, обнаруживались виновные катастрофических последствий пожаров в Хакасии, оживало строительство космодрома «Восточный», превратившегося на глазах всех контролирующих и проверяющих органов в чёрную дыру, в которой, по данным Счётной палаты РФ, исчезли 13 млрд руб.

Во-вторых, это постоянная «перекройка» структуры и полномочий федеральных органов исполнительной власти, которые регулярно обнаруживают либо неспособность предотвратить ситуации, вызывающие к жизни «сеансы ручного управления», либо оперативно реализовать указания, полученные в ходе таких «сеансов». Эта особенность модели российского публичного управления существенно отразилась на ходе административной реформы, которая, по оценкам авторитетных специалистов, продвигалась и продвигается крайне медленно и непоследовательно, преимущественно «вращаясь» вокруг достаточно беспорядочных изменений в структуре и полномочиях органов исполнительной власти [8]. Сказалась она и на появлении такой меры воздействия, как публичные выговоры руководителям федеральных структур, министрам и даже вице-премьеру³.

Отмеченные выше моменты делают более понятной и ситуацию в сфере государственной контрольно-надзорной деятельности. Многолетние, зачастую бесплодные дискуссии о сущности контроля и надзора, доктринальные представления о надзоре как расширенном контроле негативно сказались на законодательном закреплении соответствующих полномочий федеральных органов исполнительной власти. Уже в первом из впоследствии многочисленных указов Президента Российской Федерации, закрепившем в начале нулевых годов правовую основу новой, постъельцинской системы и структуры федеральных органов исполнительной власти⁴, была допущена стратегическая в теоретическом и практическом отношении ошибка, связанная с появлением единой дефиниции контроля и надзора, возложением ее исполнения только на федеральные службы и лишением соответствующих полномочий федеральных министерств и агентств.

Нежизнеспособность этой законодательной конструкции была осознана очень быстро, и уже фактически через год в Концепции административной реформы на 2006–2010 гг. предусматривалось «разграничить функции по контролю и надзору и унифицировать в этой части терминологию законодательных и других нор-

мативных актов...»⁵. Эта плодотворная идея до сих пор не реализована. В результате у правоприменителя нет *законодательных оснований* для того, чтобы понять, где заканчивается контроль и начинается надзор, чем они отличаются друг от друга, кто является (должен являться) субъектом их осуществления.

С этой констатации попробуем сформулировать ряд парадоксов, характеризующих контрольно-надзорную деятельность с точки зрения «ручного управления».

Парадокс первый: чем активнее использует режим «ручного управления», тем его субъектам удобнее законодательная неопределенность в разграничении контроля и надзора в деятельности публичной администрации, поскольку позволяет «назначить» главным за «разруливание» ситуации любой орган публичной власти соответствующего уровня. Например, законодательная неопределенность в конструировании четких границ между прокурорским надзором и контрольно-надзорной деятельностью органов исполнительной власти легко превращает прокуратуру в «последнюю надежду» в борьбе с некачественным бензином, завышением розничных цен на продукты питания или ростом цен в ЖКХ, хотя в рамках федеральных органов исполнительной власти специально созданы соответствующие структуры, наделенные полномочиями по осуществлению надзора в этих сферах.

Парадокс второй: чем активнее использует режим «ручного управления», тем больше его субъекты заинтересованы в расширении контрольно-надзорной деятельности и увеличении числа проверяющих, что позволяет рано или поздно «выходить» на ситуации, требующие принятия «точечных» решений.

Парадокс третий, противоположный второму: в условиях периодически повторяющихся «сеансов ручного управления» расширение контрольно-надзорной деятельности и увеличение числа проверяющих далеко не всегда отражается на качестве контроля и надзора, ориентированного не столько на эффективность, сколько на внешний эффект от проводимых «громких» проверок.

В подтверждение этих двух тезисов приведу некоторые парадоксальные по своей сути данные из аналитического обзора, подготовленного научным коллективом Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»⁶.

Первое. Контрольно-надзорная деятельность государства со всеми сопутствующими разрешительными процедурами, экспертизами, лицензированием, сетью подведомственных орга-

низаций – это наиболее затратная с точки зрения формальных и неформальных издержек часть взаимодействия бизнеса с государством. Текущая система контрольно-надзорной деятельности, по разным оценкам, «стоит» российской экономике в виде издержек бизнеса от 1.5% до 7.5% ВВП.

Второе. По данным контрольно-надзорных органов, в России на текущий момент существует 133 самостоятельных вида контроля и надзора, при этом единый перечень их видов отсутствует. По этим же данным, в 2013 г. было проведено 2.6 млн проверок. В исполнении контрольно-надзорных функций задействовано как минимум 123 тыс. проверяющих (на всех уровнях власти), что требует порядка 117 млрд руб. бюджетных расходов.

Третье. Система государственного контроля и надзора в России остается архаичной, использует правила и нормативы XX в., поскольку в контрольно-надзорной сфере, помимо 100 федеральных законов и более чем 80 постановлений Правительства РФ, действует свыше 3 тыс. нормативных технических документов, изданных до 1990 г., принятых органами или организациями СССР и РСФСР, которые никогда официально не публиковались, а издавались в виде книг и не переизданы.

Четвертое. Архаичность и неэффективность контрольно-надзорной деятельности не в последнюю очередь обуславливает отсутствие адекватного целеполагания и показателей оценки работы ведомств. Для планирования и оценки деятельности используются показатели объема выполненной контрольно-надзорной работы (количество проверок, выявленных нарушений, контролеров и проч.). При этом отсутствует учет, характеризующий реальный эффект контрольной деятельности государства, например регистрация случаев причинения вреда (ущерба) в подконтрольной сфере.

Парадокс четвертый: чем больший объем в системе публичного управления приходится на «сеансы ручного управления», тем больший объем в контрольно-надзорной деятельности занимает функция не предварительного или текущего, а *последующего* контроля. Иными словами, располагая многочисленными фактами всевозможных нарушений различных правил, стандартов, предписаний, нормативных документов, контролирующие органы в большей степени используют их для доказательства необходимости собственного существования, а не для профилактики и предотвращения потенциального ущерба.

Перечень парадоксальных ситуаций, связанных с текущим состоянием контрольно-

надзорной деятельности, можно продолжить. Однако важнее поиск ответа на вопрос, как эти ситуации устранить. Не претендуя на полноту даже постановки проблемы, хотел бы подчеркнуть следующее.

Первое. Разделяя в целом точку зрения А.В. Мартынова о том, что «главная проблема административного надзора заключается не в разграничении его с другими видами государственно-управленческой деятельности, например с государственным контролем, а в сокращении избыточного административного регулирования общественных отношений и, как следствие, сокращении административно-надзорных полномочий» [9], все же считаю, что административно-правовая наука не может стоять в стороне от попыток законодательной власти выработать легальное определение контроля и надзора или выработать юридически понятные основания их дифференциации. Техническая замена⁶ в десятке законов слова «контроль» на слово «надзор» или наоборот только усугубляет ситуацию⁷. Доктринальная неопределенность влечет за собой содержательные и технико-юридические дефекты законодательных актов.

Второе. Не вступая в многолетнюю дискуссию по поводу разграничения контроля и надзора [10, 11], считаю первым *практическим* шагом в этом направлении отказ от нормативно установленного разграничения контрольно-надзорных полномочий между федеральными министерствами, федеральными службами и федеральными агентствами как не оправдавшего себя, о чем свидетельствуют многочисленные исключения из общего правила, устанавливаемые подзаконными актами, в частности указами Президента РФ и постановлениями Правительства России.

На доктринальном уровне отличия контрольной и надзорной деятельности могут быть найдены через более точное понимание сути управленческой деятельности. Надзор, как представляется, относится к группе функций, формирующих *государственное управление* как внешневластную деятельность той или иной государственной структуры федерального или регионального уровня в установленной сфере деятельности. Контроль относится к группе функций, формирующих *администрирование* как *процессуальную (процедурную) форму* реализации внутриорганизационных (аппаратных) управленческих отношений и образующих *управленческий процесс* как непрерывно повторяющийся цикл последовательно осуществляемых управленческих действий и процедур.

Соответственно этому определяются и субъ-

екты контрольно-надзорной деятельности. Контроль, как функция внутриорганизационной деятельности, должен осуществляться всеми органами публичной власти. Субъектами административного надзора могут быть только специально уполномоченные органы исполнительной власти федерального и регионального уровня, наделенные правом его осуществления в отношении неподчиненных субъектов публичного управления, их должностных лиц и граждан в рамках административно-надзорных производств посредством установленных в законодательстве административных процедур.

Третье. Необходимо изменение самой идеологии контрольно-надзорной деятельности, ее целевой ориентации. Из средства выявления просчетов и недостатков проверочная деятельность должна быть ориентирована на предупреждение отклонений проверяемых органов, организаций, учреждений, их должностных лиц и граждан от нормального функционирования (поведения), модель которого предусмотрена в соответствующих нормативных правовых актах. Составной частью проверочной деятельности должно стать оказание проверяемым практической помощи в устранении недостатков, в том числе путем внедрения в практику их работы инновационных технологий.

Четвертое. Следует поддержать идею перехода к риск-ориентированной модели осуществления контрольно-надзорной деятельности по принципу: «плотность» контроля должна зависеть от риска причинения вреда жизни, здоровью, окружающей среде, имуществу, безопасности в результате деятельности хозяйствующих субъектов⁸. Суть этого подхода, как известно, была сформулирована в Послании Президента РФ Федеральному собранию от 04.12.2014 года. «Надо наконец, – подчеркнул В.В. Путин, – отказаться от самого принципа тотального, бесконечного контроля. Отслеживать ситуацию нужно там, где действительно есть риски или признаки нарушений»⁹.

В 2015 году это поручение получило законодательное закрепление и сейчас дополняется методическими разработками и практическими шагами ряда федеральных органов исполнительной власти и администрацией субъектов федерации (например, Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека Российской Федерации¹⁰, министерством развития конкуренции и экономики Ульяновской области¹¹ и т.д.). Помимо этого активизирована работа по подготовке проекта Федерального закона «Об основах государственного и муниципального контроля (надзора) в Российской Федерации»¹². Привет-

ствуя всё это, полагаю целесообразным обратить внимание на следующее.

В настоящее время в посвященных контрольно-надзорной деятельности публикациях, в том числе на официальных сайтах федеральных ведомств, субъектов федерации, совершенствование контроля и надзора рассматривается как перспектива улучшения взаимоотношений власти, граждан и бизнеса, инструмент снижения избыточного давления на предпринимателей, повышение комфортности ведения бизнеса. Все это верно, однако нельзя забывать и об огромном количестве государственных и муниципальных объектов, функционирование которых является потенциальным источником возникновения чрезвычайных ситуаций техногенного характера.

Поэтому, ратуя за сокращение надзорной деятельности, надо думать над повышением ее эффективности, в том числе с точки зрения минимизации избыточного давления на хозяйствующие субъекты при сохранении минимально необходимого уровня, обеспечивающего своевременное выявление и устранение факторов, несущих *вероятность* причинения в результате их деятельности вреда жизни, здоровью граждан, окружающей среде, интересам государства, обороне и национальной безопасности, а также вероятность возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Здесь крайне важно найти и нормативно закрепить критерии и показатели эффективности, ориентированные не на число проверок и выявленных недостатков, а на конечный результат: обеспечение надлежащего функционирования, «публичного поведения» поднадзорных субъектов.

Примечания

1. <http://www.ntv.ru/novosti/1278820>
2. Он сравнил методы преобладающего в России режима «ручного управления» с действием мухобойки: «увидел начальник назойливо жужжащую или нагадившую на окно муху – хлопнул мухобойкой... и проблема решена».
3. Судя по опросам, проводимым Фондом общественного мнения, эта мера значима в первую очередь для чиновников различного уровня, поскольку лишь 16% опрошенных граждан знают, кому и за что Президент РФ объявил выговоры. См.: ФОМ. Доминанты. № 39. 04.10.2012 // URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d39vm12.pdf>.
4. См.: Указ Президента Российской Федерации «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» от 9 марта 2004 г. № 314 // Собрание законодательства РФ. 2004. № 11. Ст. 945.
5. Распоряжение Правительства РФ от 25 октября 2005 г. № 1789-р (ред. от 10.03.2009) «О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 годах» // Собрание законодательства РФ.

2005. № 46. Ст. 4720.

6. Модернизация системы контрольно-надзорных полномочий в Российской Федерации: аналит. докл. / Колл. авт.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.

7. В Федеральный закон от 18 июля 2011 года № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» по состоянию на 1 января 2016 г. изменения и дополнения вносились 16 раз.

8. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47173>.

9. Федеральным законом от 13.07.2015 г. № 246-ФЗ в ФЗ РФ от 26.12.2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» введена статья 8.1. «Применение риск-ориентированного подхода при организации государственного контроля (надзора)» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6249; 2015. № 29 (ч. 1). Ст. 4372.

10. URL: http://fcrisk.ru/sites/default/files/upload/conference/953/fcrisk_conf_13-15.05.2015_may.pdf

11. URL: <http://ekonom73.ru/page/risk-orientirovanna-model>

12. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=PRJ;n=135654>

Список литературы

1. Аврутин Ю.Е. О парадоксах парадигмы публичного управления в теории государственного управления и в административном праве // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: Сборник статей по материалам ежегодной Всероссийской научно-практической конференции (Сорокинские чтения): в 3 томах / Под редакцией Ю.Е. Аврутина, А.И. Каплунова. 2016. Т. 1. С. 10–30.
2. Базаров Т.Ю. Ручное управление – это оксюморон // Управление персоналом. 2013. № 17. URL: <http://www.top-personal.ru/issue.html?3449>
3. Потехин В.Н. Основные недостатки и резервы современного государственного управления // Аграрный вестник Урала. 2014. № 7 (125). С. 95 (94–100).
4. Мартынов А.В. Российское государство в режиме «ручного управления» // Теория и практика административного права и процесса: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ч. I. Небург, 2011. С. 65.
5. Россинский Б.В. О роли системы исполнительной власти для обеспечения гомеостаза системы государственного управления // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: Сборник статей по материалам ежегодной Всероссийской научно-практической конференции (Сорокинские чтения): в 3 томах / Под редакцией Ю.Е. Аврутина, А.И. Каплунова. 2016. Т. 1. С. 30–35.
6. Костиков Вячеслав. Принцип мухобойки // Аргументы и факты. 2015. № 2. С. 4.
7. Атаманчук Г.В. Внутренние источники и факторы государственно-управленческих кризисов в

России // Право и управление. XXI век. 2014. № 4 (33). С. 30–31.

8. Хабриева Т.Я. Стратегия социально-экономического развития России и модернизация законодательства // Концепция развития российского законодательства / Под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. М., 2010.

9. Мартынов А.В. Административный надзор в Российской Федерации: теоретические основы построения, практика осуществления и проблемы пра-

вового регулирования: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2010. С. 12.

10. Мирошник С.В. О соотношении контроля и надзора в деятельности федеральных органов исполнительной власти // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 4. С. 90–95.

11. Волков А.М. Публичное администрирование: вопросы надзора и контроля // Административное и муниципальное право. 2015. № 7. С. 738–743.

PARADOXES OF CONTROL AND SUPERVISORY ACTIVITIES OF PUBLIC ADMINISTRATION IN THE CONTEXT OF «MANUAL CONTROL»

Yu.E. Avrutin

In this paper, we analyze the concept of «manual control» in relation to the area of state (public) administration. The author's definition of this concept is proposed. We also reveal the effects of «manual control» on the forms, methods and style of public administration, including the implementation of control and supervisory activities by public administration.

Keywords: public administration, «manual control», control, supervision.

References

1. Avrutin Yu.E. O paradoksah paradigmy publichnogo upravleniya v teorii gosudarstvennogo upravleniya i v administrativnom prave // Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-processual'nogo prava: Sbornik statej po materialam ezhegodnoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Sorokinskie chteniya): v 3 tomah / Pod redakciej Yu.E. Avrutina, A.I. Kaplunova. 2016. T. 1. S. 10–30.
2. Bazarov T. Yu. Ruchnoe upravlenie – ehto oksyumoron // Upravlenie personalom. 2013. № 17. URL: <http://www.top-personal.ru/issue.html?3449>
3. Potekhin V.N. Osnovnye nedostatki i rezervy sovremennogo gosudarstvennogo upravleniya // Agrarnyj vestnik Urala. 2014. № 7 (125). S. 95 (94–100).
4. Martynov A.V. Rossijskoe gosudarstvo v rezhime «ruchnogo upravleniya» // Teoriya i praktika administrativnogo prava i processa: Materialy VI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Ch. I. Nebug, 2011. S. 65.
5. Rossinskij B.V. O roli sistemy ispolnitel'noj vlasti dlya obespecheniya gomeostazisa sistemy gosudarstvennogo upravleniya // Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-processual'nogo prava: Sbornik statej po materialam ezhegodnoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Sorokinskie chteniya): v 3 tomah / Pod redakciej Yu.E. Avrutina, A.I. Kaplunova. 2016. T. 1. S. 30–35.
6. Kostikov Vyacheslav. Princip muhobojki // Argumenty i fakty. 2015. № 2. S. 4.
7. Atamanchuk G.V. Vnutrennie istochniki i factory gosudarstvenno-upravlencheskih krizisov v Rossii // Pravo i upravlenie. XXI vek. 2014. № 4 (33). S. 30–31.
8. Habrieva T.Ya. Strategiya social'no-ehkonomicheskogo razvitiya Rossii i modernizaciya zakonodatel'stva // Konceptiya razvitiya rossijskogo zakonodatel'stva / Pod red. T.Ya. Habrievoj, Yu.A. Tihomirova. M., 2010.
9. Martynov A.V. Administrativnyj nadzor v Rossijskoj Federacii: teoreticheskie osnovy postroeniya, praktika osushchestvleniya i problemy pravovogo regulirovaniya: Avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. Voronezh, 2010. S. 12.
10. Miroshnik S.V. O sootnoshenii kontrolya i nadzora v deyatelnosti federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti // Severo-Kavkazskij juridicheskij vestnik. 2012. № 4. S. 90–95.
11. Volkov A.M. Publichnoe administrirovanie: voprosy nadzora i kontrolya // Administrativnoe i municipal'noe pravo. 2015. № 7. S. 738–743.